

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 25 (3370)

Суббота, 26 февраля 1955 г.

Цена 40 коп.

Наша великая советская демократия

Это уже стало традицией — дни выборов в Советы депутатов трудящихся превращаются для советских людей в радостный праздник. Ничего удивительного в этом нет. Под лозунгом Коммунистической партии «Вся власть — Советам!» шли наши отцы и деды на баррикады Великого Октября, шли в жестокой, правый бой с силами царизма, помещиков и буржуазии, с интервентами четырнадцати капиталистических держав. Стереть с лица земли Советы, не дать им взять в руки управление страной — это желание руководило белогвардейским генералом и петлюровским бандагом, полуграмотным, озверевшим от ненависти кулаком, целившимся из обреза в сельского активиста; это желание руководило и руководит ныне и некоторыми вполне цивилизованными джентльменами.

Советы победили в борьбе с контрреволюцией и стали первой на земном шаре народной властью. Они дали название нашей стране, нам, советским людям, новой эпохе в истории человечества.

Советская власть — самая демократическая форма управления государством, выражающая волю и желание народа — хозяйина своей страны.

Мы хорошо знаем цену буржуазной демократии, знаем, чего стоит «народность» выборов с помощью золота и свинца, подкупа и шантажа, знаем, в какую политическую арматуру превращается там, в странах капитализма, избирательная кампания. Недаром, наверно, английское слово «крет», означающее «шум», «беспорядок», пришло в США совершенно определенным смыслом — политический подкуп и террор.

Обратимся к классикам западноевропейской литературы, вспомним страницы, разработанные махиадины парламентской кухни в романах Дикенса, Франса, в «Париже» Золя, в «Мялом друге» Мопссана. Вспомним уничтожающий сарказм небольшого рассказа Марка Твена «Как меня выбрали в губернаторы». Предостан слово Теодору Драйверу. В его «Таланте» один из политических деятелей говорит так и прямо: «Нужно, чтобы демократическая партия потерпела полное и бесповоротное поражение, но чтобы никто не мог догадаться, каким способом это сделано». В середине XX века в США происходит то же самое — исход выборов также решают жульничество и угрозы, с той только разницей, что американским политикам сейчас не удается скрыть, «каким способом это сделано». Из книг прогрессивных писателей, из демократической прессы узнаем мы о расказе, о трагических буднях «Острова Слез», о позорных фактах личевого негра и прочих «демократических» явлениях современной заокеанской действительности.

Антидемократический разгул внутри страны определяет и курс внешней политики — грубой, циничной, попирающей независимость наций и государств. Фактически оккупация ряда стран Европы, восстановление — вопреки воле европейских народов — западно-германского вермахта, наглые провокации в латиноамериканских государствах, строительство аэровокзалов в тысячах километров от американских границ — все это и есть пресловутая политика «де позиции сил», агрессивный характер которой совершенно очевиден для всякого здравомыслящего человека.

Истинная демократия существует там, где все органы власти — от местных до верхних — избирает народ, где в органы государственной власти избираются его лучшие сыновья и дочери. Первыми на предвыборных собраниях избирателей называли имена руководителей партии и правительства, продемонстрировавшие еще и еще раз единство партии и народа, нерушимость блока коммунистов и беспартийных. Мы ставим у кормила народной власти людей, в битвах и труде доказавших свою верность народу, преданность Родине, искусных мастеров тяжелой индустрии, дающих стране уют, стабильность, прокат, сложнейшие машины; передовиков промышленности и сельского хозяйства, умелых механизаторов, агрономов-мичуринцев, земледельцев и садоводов, ученых, двигающих вперед социалистическую науку и технику, заставляющих атом работать для мира, врачей-новаторов, борющихся за здоровье и долголетие человека, взмучивших педагогов, воспитывающих детей в духе светлых идеалов высокого советского гуманизма, деятелей литературы и искусства, создающих произведения, достойные величайшей в истории человечества советской эпохи.

Расскажем здесь о некоторых единодушно выдвинутых народом кандидатах в депутаты Верховных Советов республик и местных Советов. Кто они, эти люди?

Это — начинающий смены Синарского трубного завода, уральец Григорий Коптелый — новатор производства, носящий высокое звание почетного металлурга. Это Константин Жарков — председатель Ярославского колхоза с красивым, звучным названием «Колос», участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награжденный ее Большой золотой медалью и автомобильем «Победа». Его земляк — народный артист РСФСР Григорий Белов, которого мы любим как создателя чудесного образа Мичурина, образа старого доктора из фильма «Сельский врач».

Это — талантливый украинский писатель, прошедший в почетном и трудном звании сержанта Советской Армии ошеломительный путь через Балканы и созданный произведением, которое украсило послесоюзную советскую прессу. Я уверен: Олес Гончар по праву займет место в народном парламенте нашей республики рядом со своим старшим коллегой, широко известным поэтом, академиком Павлом Тычиной. Это — двадцатитрехлетняя дочь освобожденной от капиталистического рабства Буковины, агроном Мария Мяскей, начинавшая свою трудовую жизнь батрачкой у помещика, а ныне Герой Социалистического Труда.

В Верховный Совет РСФСР баллотировался Анастасия Данилова. Она родилась в семье бедняка якута и прошла славный путь передовой советской женщины: учила детей в школе, заведовала районным отделом народного образования, была секретарем райкома КПСС, сейчас она — аспирант Академии общественных наук. Якутский народ назвал на предвыборных собраниях и имя земляка Василия Алексеева — одного из лучших охотников Заполярья, представителя народа, подымающего только при советской власти.

Кандидат в депутаты — слесарь Арам Симонян. Восемнадцатилетним работал он на Ереванском станкоплетельном заводе, впоследствии летучим модельером, смелым экспериментатором, творит, дерзает. Кандидат в депутаты — председатель одного из армянских колхозов Сурен Атанесян, агроном с высшим образованием, работавший на диссертацию, награжденный орденом Ленина за повышение урожайности винограда. Дом сельскохозяйственной культуры, организованный в этом колхозе как научно-экспериментальная база, — один из лучших в Армении.

Рядом с праславянскими металлургами и шахтерами Донбасса и Урала, стадеарами Москвы и Ругатаи народ назвал кандидатами в депутаты Советского Союза тракторной бригады, поймавшей 1430 гектаров целины, а также Василия Кузнецова, передового шахтера Эстонии Карла Тиллера, награжденного медалями «За боевые заслуги» и «За трудовое отличие», столетия-краснодеревщика из Таллина Освальда Ильбюге, харьковского хирурга профессора Николая Новаченко — многих, многих передовых людей нашей великой страны. Народ отдаст им свои голоса, облетит их своим доверием. И все они будут выполнять единодушно, непоколебимо волю народа: крепить и отстаивать мир, укреплять мощь страны, развивать ее славу, тяжелую индустрию, добывать высокую производительность сельского хозяйства и животноводства, способствовать дальнейшему повышению жизненного уровня советского народа, новым успехам его культуры. Они, наши будущие избиратели, свою деятельность посвящают борьбе за счастье народное.

Выбирая достойных людей, спокойно уверяя им свою судьбу, мы испытываем чувство радости и законной гордости за свой самый демократический в мире государственный строй, за свой народ, за ведущую нас к новым победам родную Коммунистическую партию. С этим чувством мы пойдем к избирательным урам!

Любовь ДМИТРИКО

Москва накануне выборов

По-праздничному расцвели улицы и площади столицы. Всюду красные плакаты, посвященные выборам. На многих зданиях города появились кумачовые транспаранты с надписью: «Добро пожаловать». Здесь разместились избирательные участки, которые являются общими по выборам в Верховный Совет РСФСР и местные Советы.

Москвичи выдвинули передовиков производства, видных ученых, деятелей науки и искусства, представителей общественных организаций и обществ трудящихся.

День выборов трудящиеся столицы отмечают новыми трудовыми победами.

Черты общественного деятеля

Наша южная окраина похорошела. Она попрежнему упирается в поле, но не кривыми улочками и ветхими деревянными домиками, которые сейчас можно увидеть только на старых фотографиях, астройной чередой многоэтажных зданий, с севера обрамленных большим парком.

В центре новостроящегося ансамбля, который тем и хорош, что удобен для жизни, собирают сейчас 12-этажный жилой дом. Это — дань увлечению высотными строениями, дорогими и ненужными там, где хватает места для новых пяти- и шестнадцатиэтажных домов.

Среди построенных встречаются дома с некоторыми архитектурными изюминками. Вот — колоннада на фасаде одного жилого здания. Для чего она? Чтобы жилье первого этажа не видел белое света? Но уже проходит и это увлечение ложной красотой в ущерб эконоимии и удобствам людей.

Любопытный факт. Сборка домов на южной окраине Ленинграда за Московской заставой привлекает внимание множества иностранных гостей в такой же мере, как в Ленинграде Эрмитажа или наш балет. Сюда приезжают чехи и поляки, венгры и румыны, китайцы и вьетнамцы, здесь побывали гости из Алжира и Цейлона, Вирми и Гондураса и еще из доброго десятка стран. Колоннада никого из них не заинтересовала. Мимо нее проходил равнодушно, а на башенные краны, пронесшие в воздухе шлакобетонные, бетонные и железобетонные блоки и другие крупноразмерные сборные детали и конструкции, смотрит внимательно. Пытаясь так велика, что вместо него пришлось бы уложить на строение тысячу кирпичей. Но здесь, на самом объеме в Советской стране крупноблочном жилом строительстве, монтажники с помощью кранов в 20 минут ставят четверть стены, и это радует и удивляет наших друзей.

Мы видим тут наше будущее! — восторженно заявили вестникские строители.

На крупноблочных стройках прошла почти вся трудовая жизнь монтажника Павла Григорьевича Чудинова, одного из наших кандидатов в депутаты местного Совета. В 30-х годах он приехал в Ленинград из Ностромы и попал на первую крупноблочную стройку. Он привык видеть на стройке тяжелый ручной труд, строить «козлу» и «слоньку», а здесь он увидел мощные краны, которые приносили в воздух сборные детали, и дома вырастали со сказочной быстротой. Павел Чудинов сразу стал патриотом новых методов строительства. Пятнадцать лет упорной учебы, и Чудинов — выдающийся мастер монтажа.

Южная окраина изменилась при нем. Теперь Чудинов вправе сказать о каждом жилом доме и о каждой школе на южной окраине: «Это я построил».

Сейчас Чудинова техникой не удивишь: ему служат мощные башенные краны и деррик-краны, и он со своим звеном монтажников может в десять дней собрать целый этаж большого, многоквартирного дома. А если не будет задержек с подачей блоков, то и в неделю соберет. Сейчас и в других районах города, где стены жилых домов складываются из кирпичей, тоже применяются новые методы кладки и используются новой техникой. Это приносит строителям выигрыш во времени. Но на южной

ЛЕНИНГРАД А. САДОВСКИЙ

Вспомни, опуская бюллетень...

Город Иваново. Многие в нем — названия улиц, фабрик, мемориальные доски на старых домах — напоминают о первой народной революции эпохи империализма.

Примечательное из красного кирпича здание бывшей Мещанской управы на Негерной улице. Здесь в 8 часов вечера в воскресенье 15 мая 1905 года собрались на свое первое заседание депутаты одного из первых в мире Советов депутатов рабочих. Две трети депутатов, около ста человек, были социал-демократами, которые в Иваново-Вознесенске все принадлежали к большевикам.

Из рассказов участников и свидетелей тех героических дней, из документов видно, как прошло это заседание. О самом главном — твердо отстаивать требования рабочих, не делать никаких уступок фабрикантам — договорились быстро и решили все единогласно.

Зачем депутатам выступление старшего фабричного инспектора Владимира Фрунзе, губернского Свирского, иронически прозванного рабочими «Утоли моя печали». В тот день Свирский был при полном параде — в вицмундире с орденскими лентами, с орденским Станислава в петлице.

Ожидали, что господин старший инспектор, как всегда, начнет с угроз, а кончит угрозами, но он сухо изложил просьбу губернатора разрешить ему, губернатору, напечатать в типографии распоряжение, которое необходимо довести до сведения избирателей. Депутаты перепугались, губернатор просил, а не требовал.

До сих пор в Иваново рассказывают о легендарном ораторе, депутате первого Совета большевистике Евангелии Дунаеве. В 1905 году ему было 28 лет. Невысокий, худощавый, одетый всегда в синюю сатиновую косоворотку и черную пиджак, с небольшой бородой и усам, он ничем не отличался от остальных рабочих. Стоило ему подняться на бочку, как он преображался. Темные глаза горели, звонкий тенор доходил до самого сердца слушателей. Многочисленная толпа повиновалась ему, как один человек. И недаром же из уст уста передавалась в те боевые дни послоничка, рожденная на собраниях: «Фабрика Куваева, а порядки на ней Дунаева».

И вот Евангелии Дунаев взял слово после Свирского. Постоял молча, посмотрел на депутатов, потом наشمелю прищурился в сторону вицмундира инспектора и произнес только одну фразу:

— Ну как, товарищи депутаты, уважим господина губернатора?

И депутаты солидно ответили: — Уважим!

И тогда Дунаев снисходительно бросил инспектору:

— Слышали? На этот раз, так и быть, разрешим...

Был бульвар на Саловой улице. Историческое место. Именно здесь, на этом бульваре, рабочие, разбившись по фабрикам, выбирали своих депутатов. Утро по описанию очевидцев, было превосходное: яркое, настоящее майское. Ночью прошла гроза, воздух был чист и прозрачен. Вот тут, на этой аллее, Михаил Васильевич Фрунзе произнес речь, закончив ее призывом: «Долой проклятое самодержавие!»

Улица Станко. Настоящее имя человека, в память которого она получила свое название. — Иван Никитич Уткин. Большевик, депутат первого Совета, верный друг Михаила Фрунзе, он был организатором и начальником боевой дружины. Это он вместе с Фрунзе привел в Москву в декабре 1905

года рабочий отряд и дрался по главе его на Красной Пресне. Он умер в 1908 году на царской каторге от чахотки.

Улица Ермака. Под этой ключевой долгое время жил Василий Евангелиевич Морозов. Он тоже был депутатом первого Совета от рабочих фабрики Зубкова. Многие были ему знакомы по панашишке. Погиб он в Москве во время октябрьских боев.

Площадь Оли Генкиной перед старым вокзалом. На небольшом обелиске под стеклом — портрет молодой девушки. Гладкая прическа на косой пробор. Бельнички воротничок украшает скромное платье курскити. Большие глаза смотрят из-под тонких темных бровей. Сердечная улыбка освещает совсем еще юное лицо. Она пришла в Иваново-Вознесенск с отставленным партийным поручиком — привезла оружие и патроны. Случайная олошность выдала ее, и банда черносотенцев растерзала Олю на вокзале.

Улица Воеводина, улица Громова, имени Ваганава, фабрика имени Балашова, имени Ольги Варенковой — хорошо, правильно следовали ивановцам, дав своим улицам и предприятиям имена рабочих-большевиков, участников первого Совета рабочих депутатов.

Весной и летом 1905 года в агентурных донесениях осведомителей охранки и филеров среди многих кличек иваново-вознесенских большевиков начала мелькать еще одна кличка «Ганька». Не раз, наверное, чертыхался жандармский ротмистр Штегел, читая донесения о деятельности иваново-вознесенской, неудовольствием «ганьки».

И вот я разговариваю с «Ганькой» — Ольгой Алексеевной Беловой, старой большевичкой, членом Коммунистической партии Советского Союза с 1903 года. В комнате то и дело заглядывают ее внучки. Бабушка безцеремонно выставляет их: «Ну дайте поговорить с человеком!»

Ольга Алексеевна идет восьмой десяток. Она с удовольствием вспоминает о прошлом, с уважением называет дорогие, близкие имена М. В. Фрунзе, Федора Афанасьева, Семона Балашова, Станко, Ермака, Федора Самойлова. Но она живет не только прошлым, она вся в настоящем.

— Немного устаю. Мы тут, старые большевики, человек тридцать, хор организовали. Поим старые революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные...». Объясняем их происхождение, как мы на демонстрациях пели.

— Часто выступаю перед молодежью — агитатор я. На прошлой неделе два раза выступала. Один раз перед студентами, второй раз перед работниками. Рассказываю про нашу прошлую жизнь, про то, как собирались на подпольные собрания, как тайком, по ночам, ленинские книжки читали.

Я возвращалась от Ольги Алексеевны вечером. Улицы были ярко освещены. Торопливо постукивая, шел с Меланьево комбината трамвай. Из театра рекой вылилась публика, растекаясь ручейками по заснеженным улицам и переулкам... Незнакомое изменилось промоду по сравнению с тем, как он выглядел в годы моего детства. Я подумал, какие хорошие слова сказала Ольга Алексеевна девушка, которой 27 февраля предстоит голосовать впервые.

— Вспомни, опуская бюллетень, за какую партию ты голосуешь!

Арк. ВАСИЛЬЕВ ИВАНОВО

НАРОДЫ ОТСТОЯТ МИР!

Обращение к народам мира, принятое недавно Всемирным Советом Мира, подерживают миллионы людей в различных странах земного шара. Полностью одобряет Обращение советский народ, борющийся за прочный мир во всем мире.

В ряде стран широко развернулся сбор подписей под этим Обращением.

Ставлю свое имя

Несколько лет тому назад я услышал, как Соединенные Штаты, имея атомную бомбу, хвастаются, что в одну минуту могут разрушить целый город. Это хвастовство показало мне очень циничным. Вот если бы с помощью такой бомбы, в одну минуту можно было бы разрушить весь мир, это было бы действительно достойное восхваления. Империалисты же США во имя завоевания мирового господства, во имя агрессивности...

мало, что, имея атомную энергию, люди непременно изобретут еще много нужных и хороших вещей, которыми будут неограниченно пользоваться наши потомки, поколение за поколением.

Я рисую уже семьдесят лет. И всегда изображаю красивые, живые вещи. Как можно допустить, чтобы мир красоты был разрушен? За последние пять лет немало иностранных друзей, приезжавших в Пекин из различных мест земного шара, приходили навещать меня. Я не помню имен этих многочисленных хороших людей, но знаю, что они приходили ради мира, ради искусства!

Я думаю, что все люди на земле любят мир и спокойствие, любят свой очаг, своих детей и внуков. Любить мир — это значит защищать мир, а защищать мир — это значит бороться против применения злобной атомной энергии. Был бы твердой рукой ставлю под Ветским Обращением к народам всего мира свое имя: Ци Бай-ши.

Ци БАЙ-ШИ, председатель Ассоциации деятелей искусства Китая ПЕКИН

ЗАЯВЛЕНИЕ Секретариата Правления Союза писателей СССР

С глубоким возмущением и тревогой встретило все миролюбивое человечество решение Совета агрессивного Североатлантического блока о подготовке планов развязывания атомной войны.

Зачинщики новой войны пытаются убедить народы, что война неизбежна. Она объявляется народам болтовней об «оборонительном» характере атомного оружия. Вся эта лживая пропаганда рассчитана на то, чтобы испугать и деморализовать людей, ослабить их волю к сопротивлению. Но народы мира могут и должны сорвать преступные планы организаторов атомной войны!

Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны встретило самый живой и горячий отклик в сердцах всех честных людей во всех странах земного шара.

Советская литература, верная принципам социалистического гуманизма, неизменно провозглашала и провозглашает идеи мира и дружбы между народами. Советские писатели, как и все советские люди, стоят за мир. Но жестоко просчитаются те, кто это стремление к миру полагается истолковать как проявление слабости. Памятные всем уроки история по-

казывают, какой конец находят агрессоры, посягнувшие на нашу Родину.

Жизненные интересы всех народов требуют, чтобы атомное оружие было запрещено. Нельзя допустить, чтобы атомная энергия, одно из величайших открытий нашего времени, стала орудием разрушения и убийства. Есть другой, единственно приемлемый для народов путь использования атомной энергии. Советский Союз первым в мире показал пример применения атомной энергии в мирных, сознательных целях и готов поделиться своим опытом с другими народами. Сила расщепленного атома может и должна служить благу всего человечества!

В годину суровых испытаний, когда советский народ отстаивал свободу и независимость своей Родины от гитлеровских захватчиков, когда советский народ нес зараду мира освобождение от ига фашизма, советские писатели были вместе со своим мужественным народом.

После второй мировой войны советский народ, верный своим миролюбивым традициям, выступил в защиту всеобщего мира от военной угрозы. Советские писатели вместе с народом участвуют в борьбе за мир и международную безопасность.

Призыв Всемирного Совета Мира против

Награждение орденами и медалями работников литературы и искусства

Белорусской ССР

За выдающиеся заслуги в развитии белорусского искусства и литературы и в связи с декадой белорусского искусства и литературы в городе Москве Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены

- орденом Ленина: народная артистка СССР Л. П. Алексеевская, народный художник БССР скульптор З. И. Азгур, поэт П. У. Бровка, народный артист БССР Н. Д. Ворухин, народный артист СССР Г. П. Глебов-Сорокин, народный артист БССР В. И. Дедушко, народная артистка БССР И. Ф. Жданович-Платонова, народный артист БССР композитор В. А. Золотарев, народный артист БССР А. Ф. Кпостов, писатель М. Т. Лыньков, народный поэт БССР К. М. Милкевич (Якуб Колас), народный артист СССР Б. В. Платонов.
- Орденом Трудового Красного Знамени награждены 44 человека; орденом «Знак Почета» — 120 человек; медалью «За трудовое отличие» — 175 человек.

ЧЕМПИОНАТ Утраченная слава

Ленинград по хоккею с мячом... «Красная заря»... «Красная заря»... «Красная заря»...

«Красная заря»... «Красная заря»... «Красная заря»... «Красная заря»...

ПОЧЕМУ ОНА ЗАБЫЛИ?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мне рано пришлось поступить на работу и оставить школу. Несколькими годами раньше...

Стал я находить справки, с какими учебными заведениями связаться, чтобы заочно закончить среднее образование...

Весь существует в нашей стране десятки специальных высших заочных учебных заведений. Почему же не создать широкую сеть общеобразовательных средних школ...

Н. СОНИН

МОСКВА

От редакции. Вопрос, который поднимает в своем письме Н. Сонин, волнует многих, и прежде всего людей, периодически находящихся в служебных поездках и командировках...

Существующие школы работают, как правило, в трудных условиях. Например, Московская областная школа юнцев в нескольких тесных комнатах...

В своем письме тов. Сонин справедливо указывает, что до сих пор не издаются учебники, программы и другие пособия для самообразования...

В Министерстве просвещения РСФСР прочь сослаться на всевозможные трудности, мешающие организации новых заочных школ...

АТОМНУЮ ЭНЕРГИЮ — НА МИРНЫЕ ЦЕЛИ

СЕРЕБРИСТЫЕ ТРУБКИ

РЕПОРТАЖ

И увидя, что фотокорреспондент снова нацелил свой аппарат, он говорит ему: — Здесь можете подойти поближе, никакого излучения нет...

Просторная улица, вдоль которой длинными рядами выстроились ошескранилища. Десятки полтора рабочих возводят здесь высокие снеговые горы...

Видите, сколько мороки, чтобы сохранить картофель хотя бы до лета, — говорит он. — Сколько средств и человеческого труда!

В поисках лучей

Ежегодно миллионы тонн самых различных овощей поступают в ошескранилища страны. Все это немаленькую массу ценных продуктов надо хранить в течение многих месяцев, пока не соберут новый урожай...

Началась она в 1953 году. В то время люди спешили было известно, что заберутся в картофель после облучения? Л. Архипова выясняет это в своей лаборатории.

Что произойдет с картофелем после облучения? Л. Архипова выясняет это в своей лаборатории.

Новые перспективы

Выходит, что скоро осуществится то, о чем мечтает товарищ Вяткин? — спрашиваем мы. — Скоро? — задумчиво говорит Елизавета Николаевна...

Перед учеными встало несколько таких загадок. Вот лежат тонны крупных сероватых клубней, лежат спокойно, не чувствуя, что солнце уже начало пригревать...

Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что с помощью маленьких и дешеских ампул, содержащих радиоактивный кобальт, можно без больших затрат труда и средств сохранить миллионы тонн картофеля...

Возможно ли превратить этот сон? — Возможно, — отвечает наша собеседница. — Вопрос этот и нас интересовал...

Б. ДУНАЕВСКИЙ

Сила чувства

В. СУХАРЕВИЧ

Большому произведению искусства всегда эпоха выводит свой приговор. И тот, кто берет от имени нашего общества судить героев классического произведения, должен проявить величайшую осознанность...

Между тем есть Ангелия псаид, что «тенденция должна сама по себе вытекать из подтекста и действия, без того, чтобы на это особо указывалось...»

Пьесы Чехова — высший пример умения «я» положений и действий раскрыть свои познания на жизнь, на мораль, на идеалы своего времени...

Высокохудожественное произведение всегда обращается к уму читателя и зрителя с вопросом, всегда вызывает многообразные размышления и многообразные чувства...

Е. С. Станиславский весь комплекс этих приемов, родиншихся в Московском Художественном театре при постановке «Чайки», называет «линейной интуицией и чувством»...

Итак, замечательную победу, составившую новую эпоху в развитии театра, открытие Чехова для театра принесла интуиция и чувство, и, как утверждал Станиславский, «других путей у него не существует»...

Разгадка души — задача психологическая, а не математическая, и плохо, если, основываясь только на том, что лежит на поверхности, актеры и режиссеры стараются вывести призрачную и однообразную мораль из каждого образа...

Такой недостаток явно ощущается в спектакле Театра имени Евг. Вахтангова «Навка»...

Прежде всего из-за невнимания к тому, что не передается словами, к затаенным чувствам, незримым сердечным движениям...

Мне думается, главный порок спектакли состоит именно в том, что многие актеры и режиссеры пошли по пути призрачной расщепленной образов, где каждый герой не вопрос, а ответ, где действие не процесс, не постановка идейной, социальной и психологической проблемы...

Как только на сцене появляется Треплев (Ю. Любимов), вы начинаете ощущать холодок разочарования. Любимов — Треплев порывист, стремителен, неврастетен, в нем почти все показано, и лишь немногие из чувств своего героя он выражает убедительно...

Как только на сцене появляется Треплев (Ю. Любимов), вы начинаете ощущать холодок разочарования. Любимов — Треплев порывист, стремителен, неврастетен, в нем почти все показано, и лишь немногие из чувств своего героя он выражает убедительно...

Исполнение пьесы — его функция в пьесе. И непонятно почему, — видимо, потому, что Треплев декадент, — он сразу же совершенно разочарован. А ведь он любил и страдал, внешне унижения и обиды, был загублен людьми своего жестокого времени...

Еще более безжалостно «разоблачен» Тригорин. Видно, по мнению режиссуры, он — человек ничемный и литератор бездарный. И поэтому исполнение этой роли А. Абрикосовым — лишь осуждение Тригорина за все его недостатки...

Мечта о счастье движет почти всеми героями пьесы Чехова. Но она, к сожалению, совсем, в сущности, не одухотворяет игры актеров Театра имени Вахтангова в этом спектакле...

Талантливая актриса Г. Пашкова в роли Нины Заречной остается одионок и не встречает почти никакой поддержки партнера в своем желании показать в первых трех актах Нино восторженную, чистую, потешную. В последнем акте, видимо, одионок больше всего тот, чтобы донести болезненное торжество Заречной-актрисы...

Пашкова почти забывает о том, что ее героиня полна смятения и печали о погибшей любви и утраченной юности. Мы с грустью замечаем, что за два года, которые отделяют первые три акта от четвертого, Нино, и прежде не такая уж важная и поэтическая, грубее окончательно. Это подчеркнуто и гримом, и костюмом, и театральным поведением. И о любви к Тригорину она говорит вскользь, торопливо, как будто стыдится слов: «Люблю, люблю страстно, до отчаяния люблю»...

Сцена оживает, наполняется движением, когда заводит свою неторопливую речь Соиня — Кольцов. Актер не спешит объяснять...

роны, чем переживает ее горе, полное крушение ее личного счастья. Такие раны не забываются, не заживают мгновенно при самых потрясающих успехах в искусстве. Значит, и здесь человек, его чувства приносятся в жертву идее умозрительной, — если есть дело в жизни, то все личные страдания — пустяки. Правда, при этом трудно понять, почему пьеса все-таки называется «Чайка», а не «Актриса»...

Нетрудно заметить, что, почти в каждом образе определив нечто «самое главное», режиссура старательно поточервячивает именно эту черту в ущерб всем остальным. Притворство чувств, разные свойства в одном человеке, дурные и хорошие порывы в одной душе, ищущей пути к счастью...

Вот, к примеру, П. Мансурова в роли Аркадиной. Она великолепно играет те сцены, где ее героиня прежде всего актриса. И даже там, где ей надо заполнить Тригорина, она, стоя на коленях, нарассеив провозгласит монолог, в котором ни грамма искренности. Но ведь Аркадия в самом деле любит Тригорина! Или женщина, жадная к деньгам и успеху, любить не может?

Упрощенная трактовка и обеднение основных образов пьесы, разностилная игра, недостаточно глубокое проникновение в сферу чувств, переживаний, психологию героев привели к созданию спектакля неровного, лишенного внутренней гармонии, поэтической атмосферы и настроения, а стало быть, и глубокого социально-исторического звучания. Герои Чехова — люди своего времени, и судить их с холодным рационализмом, играть профессию, социальную принадлежность, подчеркивать только дурное, оставив в стороне хорошее, рисовать образ в одну краску — значит не понимать Чехова, не ставить сложных вопросов о жизни, не рассказывать правды о людях, которые в темные времена ищут дороги к свету, к счастью, к справедливости, борясь с собой, за себя, за свои идеалы...

Такие сложные и внутренние противоречивые характеры явно не удались театру. И знаменательно, что там, где они прощались и относительны, театр оказался на высоте. Я имею в виду такие удачные спектакли, как В. Кольцов — Соиня, Г. Пашкова — Маша, И. Плотников — Шамраев...

Сцена оживает, наполняется движением, когда заводит свою неторопливую речь Соиня — Кольцов. Актер не спешит объяснять...

приговор своему герою. Он как бы размышляет о нем, обдумывает его жизнь, и мы слушаем с неослабевающим вниманием и интересом эту повесть о мучающейся жизни — благополучно-иной и спокойно-беспредельной.

Маша — Л. Пашкова и Шамраев — Плотников — два контрастных образа. Сама скромность и смиренность, сама покорность судьбе — Маша, мужественно переживая трагедию неразделенной любви, тихо и обреченно несет свое горе, а ее отец — Шамраев врывается на сцену, как дирижер, необходимый для остроты звучания оркестра. Он грубоват, развязен, полн, что очень важно и нужно в этом образе, отлично истолкованном и сыгранном Плотниковым.

Эти удачные актерские работы лишены раз подтверждают, что чеховская драматургия требует реальности, законченности, полноты образов. Но их идейный смысл доносит не призрачная односторонность, а полнота чувств, тонкая эмоциональная передача музыки душ и сердец, запечатленная не только в изумительном чеховском тексте, но и скрытая за простыми и обыденным словом, движением, поступком.

И приятно отметить, что коллектив театра имени Станиславского, взявший на себя, казалось бы, непомерную трудность задачи, при постановке «Навка» пошел по другому пути. Большая и сложная работа постановщика спектакля М. Янигина ощущается здесь в каждом образе, но не умозрительные идеи, а раскрытию правды чувств было его главной заботой.

Конечно же, для выражения всей сложности внутренней жизни героев, подслушных душевных движений — всего того, что называется атмосферой и настроением спектакля, у некоторых актеров часто не хватает мастерства. При правильном подходе к решению образов мы невольно ощущаем иногда пустое, неполное внутренним теплом слово, иногда позу, например, в игре Т. Гурко (Аркадия). Простая, лишенная внутренней одухотворенности Б. Белоусов (Тригорин), особенно в моменты, когда его герой «волнуется и немого сердится». Все это снижает тон спектакля, накладывая на него отпечаток ученичества. И все-таки он нас захватывает и волнует потому, что театру удалось главные образы чеховской пьесы — Заречная и Треплев.

В их исполнении нет ничего предвзятого, показного. Перед нами прежде всего молодые люди. Все хрупко и ломко в их характере, в них много юностиского пыла и

ОБЗРЕВАТЕЛЬ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Это фильм о русско-турецкой войне 1877—1878 годов, о войне, которая была популярна в русском обществе и нашла сочувствие в народе. Пять столетий томилась западная славянская под властью Турции, и зверский режим, установленный тираниями и восточными пашами, помушил каждого честного человека в России.

Царское же правительство использовало тяжелое положение славян под властью турок, главным образом, для распространения своего влияния на Балканах. Вместе с тем Александр II и его окружение рассчитывали, что война с Турцией отвлечет народ от самых насущных вопросов жизни страны и несколько умедлит революционное движение.

Война была трагична. В то время как в Петербурге ропсала судьба Болгарии, западные державы готовились тайно помочь Турции. В фильме мы видим «деятельность» международных дипломатов, старавшихся извлечь выгоду из русско-турецкой войны. Показаны и те, кто мешал народу выполнять его благородную миссию: бездарный, высокомерный главнокомандующий — великий князь Николай Николаевич, начальник штаба бездарный генерал Непоклеичев и сам Александр II — сентиментальный и в то же время злой самолюбивец, одержимый страхом перед революцией, напуганный покушениями на свою «священную особу».

И тем не менее мы видим освобожденную войну, не зависящую от тайных целей царского правительства. Зрителю раскрываются подлинные героические усилия русских солдат и болгарских добровольцев, форсирующих Дунай, обороняющих Шипкинские перевалы, штурмующих Плевну, разгромивших армию Вессель-паша и победоносно завершивших кампанию. Освобождение Болгарии от гнета турок было достигнуто единением русских и болгар, кровью скрепленным союзом славянских народов. Эпизодом окончательного освобождения Болгарии спустя много лет были те незабываемые дни, когда Советская Армия изгнала страгу от гитлеровских оккупантов.

Этими эпизодами и заканчивается картина, созданная совместными усилиями киностудий «Болгарфильм» и «Ленфильм». Вечная, нерушимая дружба советского и болгарского народов проявилась и в этом содружестве искусств двух стран. Не только болгарские артисты, исполняющие роли ополченцев-патриотов, но и солдаты болгарской Народной армии, участвующие в массовых батальных сценах, вместе с советскими художниками кино создали фильм «Герои Шипки».

Эпизоды фильма «Герои Шипки» воспроизводятся в тех самых местах, где происходили события почти 80 лет назад, и по возможности в то же время года. Зима прошлого, 1954 года, когда снималась картина, была в Болгарии особенно суровой. Сложные, неоднократно повторявшиеся эпизоды повторяются сменяя батальных эпизодов происходили при сильном морозе и ветре. Тысячи болгарских солдат — их участников, поднимаемых по крутым, обледенелым горным тропам, штурмуя шипкинские высоты, — помогали с такой правдоподобностью и убедительностью сыграть батальные сцены фильма.

И эти кадры глубоко волнуют зрителей. Огромные массы движутся на поле сражения, вступают в борьбу с врагом, атакуют Шипкинские перевалы... Но даже в этих массовых передвижениях войск, мастерски запечатленных в фильме,

неосмотрительности — не они владеют чувствами, а чувства ими.

Великолепно подготовлено первое появление Нины Заречной в первом акте. Молодой, дерзкий и очень озабоченный подготовкой спектакля Трелева — А. Голдман стремился и горит. Это характер юной, локши — он то важно отдает распоряжения работам, то торопливо ступает на свою судьбу в беседе с Сорьяном, и все оглаживается, все имеет чего-то, все ждет. Это его главное чувство — ожидание. И вот пришла Нина. Как будто светом озарилось лицо Трелева. Их встреча, их беседа, их трепетный поединок прозвучали, как музыка юности. Болдовское озеро, тихий вечер, темные явзы и Нина — Я. Гринюка в светлом девичьем платье, хрупкая, изящная, простая. Может быть, она даже чуть-чуть наивная девушка, мечтающая о славе и отважившейся выступить пусть в домашнем театре, но она полна очарования и простоты.

И как-то эта первая сцена, очень звучная и ясная по своему поэтическому звучанию сразу задает верный тон отношениям Нины и Трелева. Каждый их шаг, каждый поступок продиктован сложными, многогранным чувством и поэтому вызывает на размышления. Вот Трелев — он несколько мелодраматичен, когда кладет чайку у ног Нины, но ведь он хот и не состоявшийся, но драматический талант. Немало почеркнутой важности в Трелеве в последней картине до прихода Нины, но ведь он уже не приживался, — он писатель, его в столице печатают. Когда же и важничать, как не в юности. Но во всю эту важность как ветром сдуло, когда явится Нина, — он застывает, почти застывает, созная, что хот и пришла слава, но любовь не удалась. А эта любовь — большая, сильная, единственная на всю жизнь! Вот в чем убедила нас актриса, рассказавшая горькую правду о судьбе своего героя, заставляющей нас полюбить его и пожалеть о нем.

С удивительной тонкостью и точностью, с настоящей поэтической вдохновенностью играет Я. Гринюка Нина. Как жемло и кротко смотрит она на Трелева, как безмятежна и телна ее любовь и скромно юность. Но вот в глазах Нины появилась другая огонь, иными, порывистыми стали движения, иначе зазвучал голос. Появился Трелев. Нина влюблена. В неудачных движениях, вначале угловатых, девичьих, появилась женственное — и безотчетно порывистое, и подкупляющее грациозное. А в голосе — и восхищение, и радость, и печальная страсть. Притихла большая любовь вместо маленькой и спокойной, почти детской.

Меся поражала Нина в последней сцене.

сила воздействия батальных картин, — она рождена тем, что люди, занятые в сценках, сумели показать твое и ненавидеть в врагу, передать братские усилия русских и болгар в кровавых схватках с жестоким противником.

«Герои Шипки» — это, по сути дела, хроника вторичных событий, лишенная сюжетов. Нет в фильме и крупных, многогранных характеров. Поэтичные трудности, которые стояли перед автором сценария А. Перевецким, однако, думается, напрасно отказались он от раскрытия исторических событий через образы героев.

Повредило развитию сюжета и то, что фильм, задуманный первоначально как документальный, был затем доведен до одной серии. Чувствуется, что это достигнуто не творческой переработкой, а механическими сокращениями.

Поставщик Сергей Васильев — один из двух создателей незабываемого фильма о героической войне Чапаева. Зрителя с радостью убедятся в том, что и в этой картине ярко проявилось мастерство режиссера. С. Васильев создал героическую панораму военных действий, передал напряженный ритм боя, величие духа простых воинов. Русские солдаты и болгарские ополченцы вызывают симпатию зрителей. И. Перевцев, В. Андришко и особенно Г. Юматов (Сашко Козыр), Е. Сорьян (Макар Лизюта) воплотили в образы солдат и терских казаков замечательные качества русских воинов — непреодолимую стойкость, упорство в бою, хотя эпизодичность ролей и помешала им создать глубокие, значительные характеры.

В ролях болгарских ополченцев мы увидели болгарских артистов: С. Пейчева, А. Карамитрова, П. Карлуковскова, С. Пейчева в роли Лавоита создает героический образ патриота, поднимающего на утешителей. Артисты Я. Волянова и К. Чукова темпераментно исполняют роли болгарских девушек-воинов.

Среди выведенных в фильме генералов благородным примером доблести является Михаил Дмитриевич Скобелев, заслуживший огромную популярность в русско-турецкой войне. Е. Самойлов не увлекается внешней картинностью, в которой, казалось бы, ваталикала роль, — он подчеркивает в своем герое черты человека беззаветно храброго, понимающего, что его смелость заживает мужеством сердца солдат.

В фильме изображен знаменитый художник Верещагин, который вместе с русскими войсками прошел трудный, но славный путь и отразил тяжкую будни солдат на Шипкинских перевалах. В сожалеанию, Верещагин, как и некоторые другие действующие лица, показан однообразно: слишком часто он появляется с альбомом в руках, делает зарисовки. Такое «мелочливое» мало запоминается, и гораздо правильнее было бы дать артисту два-три, но впечатляющих эпизода.

Высокой оценкой заслуживает работа кинооператоров и художников фильма. Многие кадры являются замечательными верещагинскими полотнами. Превосходны в цвете сцены на натуре, но в некоторых эпизодах, снятых в павильоне, цвет временами кажется навязчивым, грубо олеографичным.

Фильм «Герои Шипки», созданный киноматографистами СССР и Болгарии, — новое подтверждение старой дружбы и единения обоих народов.

Л. НИКУЛИН

В ней не было ни истерия, ни отчаяния, ни победного торжества актрисы, победившей горе во имя искусства. Нет, была простая живая, прожившая трудные годы, усталая, измученная, лишь начинающая обретать веру в себя женщина. Прежде всего в ней не было ничего актерского, как не было его ни в одной настоящей актрисе в жизни. Казалось, что из самых глубин сердца льется сбитый рассказ — воспоминания, надежды, размышления о своей судьбе. Светлые воспоминания вызвали добрую улыбку — мы услышали интонации той, прежней Нины, слова о тягостной судьбе звучала сдержанно, — Заречная не тек, что упавшего страдания. Много теплоты в ее отношении к Трелеву, несчастному, страдающему, и слова о любви к Григорину как бы сыплются с языка — Нина не может сдержать своего чувства. Вот и прошла перед нами вся жизнь Заречной — тягостная, мятельная и благородная. А за что страдал человек? Почему так несправедливо и жестоко люди к Нине?

Так верность чувству помогла и раскрыть идею, и правильно поставить вопрос, и нарисовала нам многогранный, полный очарования и поэтической прелести портрет живого человека, думающего, страдающего, полного мечтой о счастье во времена, когда хищничество и беспринципность еще жили на нашей земле.

Сопоставление двух спектаклей снова напоминает старую истину. При постижении и раскрытии идей и образов как в пьесах Чехова, так и всякого другого драматурга нельзя забывать о чувствах и эмоциях, о правдивом изображении жизни, о многообразии образов, которые не поддаются грубой и предвзятой расчлененности. Вот что, и неоднократно, говорит Станиславский: «...особенно важно самому зажить мыслями и чувствами роли, и тогда сама собой передается тенденция пьесы. Прямой же путь, непосредственно направленный к самой тенденции, неизбежно приводит к простой театральности».

Серость и безликость спектаклей всегда является там, где вместо открытого подображения действуют ограниченные соображения, где смысл и содержание доносят неясно и двояко, где искусство обрывается и к разуму и сознанию человека, и к чувству и воображению, — чувства и мысль нерадевали в произведении искусства. Создание художественных образов невозможно без проникновения в глубины чувств и переживаний. Идея автора от этого станут еще более высокими и открытыми, потому что их силу умоляют поэзия правды и полет мечты.

Кадр из фильма «Герои Шипки»

Певец свободы

Горячие стихи и песни поэта Юхана Раю — героя оперы известного эстонского композитора Зугена Каппа «Певец свободы» — стали разрящим и побуждающим оружием. С ними народ шел на борьбу за свободу, за счастье. Опера посвящена поэту Юхану Сюттисе, светлая память о котором дорога каждому эстонцу. Эстонцы предано тут имя Юхана Сюттисе — истинного певца свободы, отдавшего свое горячее сердце поэту народу.

Тяжкую жизненную школу пришлось пройти Сюттисе. Сын рабочего, он был и в списках учеников, и в списках газет, и учеником часовника. Через всю свою жизнь поэт пронес горячую любовь к тем, кто трудится. В буржуазной Эстонии в самые мрачные дни фашистской диктатуры он писал о мольбах в руках труженика:

...Народы этими руками историю меняют ход.
Я их в далеком прошлом вижу:
они Бастилью снесли,
под гильотину подвели
оми Давоса, в Париже;
на берегах Невы они
царя кровавого свалили;
благодаря их стойкой силе
Мадрид держался в наши дни!

(Перевод П. Желанова)

Сюттисе в эти годы выступает как поэт-бунтарь, остро ненавидящий притеснителей, страстно мечтающий о счастливом будущем родной земли.

Пора эта наступила... Горящими и гордыми стихами встречает Сюттисе создание в 1940 году Эстонской Советской Социалистической Республики.

Его поэма «Земля провозвращает на восток» явилась первым крупным произведением эстонской советской поэзии. Радостное ощущение поэта, который «каждо клеточку тела» чувствует, что земля поворачивает на восток, масштабность и сила образов — он видит себя «с новым миром в объятиях», слова, что «как молния, все озаряют светом», — сблизил поэму Сюттисе с творчеством его любимого поэта Маяковского.

В первые же дни Великой Отечественной войны Сюттисе стал в рядах защитников эстонской Родины. В рядах рабочего полка он участвовал в героической обороне Таллина осенью 1941 года. Тяжелая болезнь приковала его к постели. Большой, физически надломленный, Юхан Сюттисе попал в руки фашистских оккупантов, но мучения в тюремных застенках не смогли сломить боевого духа поэта. Стихи, написанные им в это тяжелое время и вошедшие в сборник «Душные дни», полны яростной ненависти к поработителям. В фашистской неволе поэт не сломлен и верит, что вывется на свободу и отомстит врагам. Его написанные в тюрьме стихи зовут к борьбе, к мщению.

С невероятной энергией пристудил Сюттисе к работе в подпольном издании «Синь» над которым снова радостно явился красный флаг свободы. Менее чем за два месяца Сюттисе написал историческую драму «Псы-рыцарь». В дни разгрома фашистов — последний немецкий повар-рыцарь — тема борьбы с извечными угнетателями эстонского народа была особенно близка автору и его читателям. Сюттисе создал еще две пьесы, посвященные событиям Великой Отечественной войны: «Лавина идет» и «Лавина рушится», и начал работу над автобиографической повестью.

Но фашистская неволя подорвала здоровье Сюттисе. В феврале 1945 г. перестало биться сердце поэта.

Глубокая и светлая поэзия Юхана Сюттисе, поэзия любви и ненависти, труда и борьбы, мужества и нежности живет и верно служит народу.

Пауль РУММО

В Союзе писателей СССР

В Союзе писателей СССР состоялся встреча советских литераторов, критиков и переводчиков с молодыми польскими писателями Богданом Ченком. В Ченко — автор широко известной в Польше книги «Колосцы», повести о борьбе польского молодежи против гитлеровских оккупантов. По просьбе собравшихся писателей состоялся разговор о наиболее выдающихся произведениях прозы, поэзии и драматургии. Он велся об интернациональном значении Восточного всесоюзного съезда советских писателей.

В Ченко было задано много вопросов касавшихся различных сторон литературной жизни Польши и творческих планов писателя.

Новые книги

Банширская советская драматургия. Перевод с банширского. «Искусство». 332 стр. Цена 11 руб. 20 коп.

Бушин И. Роман А. Фалеева «Разгром». «Советский писатель». 240 стр. Цена 5 руб. 75 коп.

Даренко П. Сердце коммуниста. Стихи. Перевод с молдавского С. Северина. Книжкины. Государственное издательство Молдавии. 180 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

История украинской литературы. В двух томах. Т. I. Киев. Издательство Академии наук УССР. 759 стр. Цена 20 руб.

Маушев Н. Советская художественная литература и критика. 1952—1953. Библиография. «Советский писатель». 299 стр. Цена 11 руб. 50 коп.

Савнов В. Лена. Роман. «Советский писатель». 656 стр. Цена 11 руб. 15 коп.

ПОЭМА ВРЕМЕНИ

Павел Антокольский дал своей новой поэме строгое заглавие — «В переулках за Арбатом» (журнал «Новый мир», № 11, 1954). В один из старых московских переулков приводит своего героя автор в начале поэмы, в том же самом переулке встречается с ним поэт и в заключительной части. Казалось бы, вот типичный пример композиционного «кольца», соединяющего конец с началом при помощи счастливого возвращения героя в родные места после долгих лет испытаний. Но вслушавшись в страстный голос повествователя, ощущая всю лирическую напряженность последних строк произведения — и понимая, что здесь не простое «кольцо», здесь сжатая в кольцо пружина. Счастливое возвращение героя поэмы после странствий по дорогам войны — не обычный эпизод, а как бы новый пролог к его будущей творческой работе, к новым испытаниям и подвигам. Сам автор на это намекает при описании встречи Ивана Егорова с женой:

И объял он ее за плечи,
Не прятая мокрого лица
И ждал. И нет конца ни встрече.
Да и в поэме нет конца.

Нет конца в поэме потому, что сюжет ее выходит за пределы личного существования Егорова, это — творческая работа поэта, советской жизни. Не как биографический портрет автор и старый переулок за Арбатом, а как поэтический детисейд современности Москвы. Недаром во вступлении он обращается к Москве с призывом помочь ему услышать «самой историей поэта».

Историческая тема задана близкой поэзии Антокольского. Со страниц его книг 20-х и 30-х годов встают брабантские башни, трагические образы Робеспьера и герцога Парижской Коммуны, беспутный и гениальный поэт Франсуа Вийон, Пушкин и Мицкевич у памятника Петра... Антокольский воспринимал эти образы не безстрастной русской реставрации, он переосмыслил историю в свои стихи лишь так, что было дорого для него лично как современному человеку. Но пуская он лавно уже в то время отвернулся от «рифмопетов», которые не видели ничего вокруг себя, «столетия века по томам», — все же в его стихах 20-х — 30-х годов декорации истории нередко заслоняют действующих лиц современности, да и в самих исторических персонажах давала себя знать некоторая вычужденность. В творчестве Антокольского громоздкие исторические декорации опираются Отечественная война. Это не значит, что он изменил своему органическому тяготению к истории, — но в его лучших стихах 40-х годов сама современность становится для поэта творимой историей. Так, строки «После антифашистского митинга...» продикуваны поэту ощущением того, что «яна полях нашей «главной земли», превращенных в поле боя,

...решаются судьбы на много веков
Всех народов и материков...
Чувство истории и чувство современности начинают сливаться для Антокольского в одно целое. Вместо «военного пергамента» историческим документом служат теперь поэту старая карта, в отмеченных, а сядущих боях» («В ночь на седьмое»). Бывший герой Отечественной войны, один из многих — тем и сильный, что это один из многих, — становится излюбленным персонажем Антокольского («Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», «Черноморская баллада» и др.). Сами образы прошлого помогают Антокольскому поэтически осмыслить борьбу советского народа за свою жизнь и счастье.

И все-таки образы советских людей не вполне еще обретены у Антокольского в 40-е годы ту теплоту и конкретность, которая придает поэзии совершенно особую красоту и силу. Исключением составляет поэма «Синь», где автор бережно сохранил индивидуальные черты, рисующие характер, интерес, увлечения, весь юностицкий облик маленького лейтенанта Владимира Антокольского, своего сына, погибшего на войне в 1942 году. Но какой же ценой застав автор эту художественную конкретность!

Новая поэма Антокольского свидетельствует о том, что обращение к повседневному миру советского человека, совершенно только далью отпущенной скорби. Поэма «В переулках за Арбатом» повествует о встрече, юности и зрелых годах одного из рядовых людей нашей страны. Сам поэт характеризует избранный им сюжет как «одну из многих биографий». По Антокольский заставляет читателя с волнением следить за судьбой Ивана Егорова, как следя за судьбой близкого человека. Поэту

Литература в школе

О программах и учебных часах

О новых программах по литературе и о месте этого предмета среди других учебных дисциплин средней школы стоит поговорить серьезно.

Нужно сказать, что знакомство с новой переработанной программой, изданной в 1954 году, не приводит к выводу об ее улучшении и усовершенствовании, а, наоборот, заставляет заметить достоинства старой. Так, в старой программе творческий путь каждого писателя намечался хотя бы важнейшими вехами и давался на вполне отчетливом историко-литературном фоне; каждому этапу истории русской литературы посвящалась большая, но содержательная, необходимая сведения обзор. Теперь же весь курс литературы содержит лишь три «обзора», по одному на каждый год обучения. Естественно, что это не дает нужного представления об особенностях литературного процесса того или иного периода, непонятно остается историко-литературный фон эпохи. Совершенно выпали из программы поэзия прошлого столетия. Язык монографических тем, лишенных всякой исторической опоры, повисает в воздухе, и в их числе тема «В. В. Маяковский», с которой начинается курс 9-го класса. Так как ничего не сказано о 70-х — 80-х годах, то затрудняется изучение не только Щедрина, Толстого и Чехова, но и Некрасова с его поэмой «Кому на Руси жить хорошо», подлежащей подробному анализу в классе.

В числе сомнительных удач составитель новой программы принадлежит переименование общей характеристики классицизма в заключительный раздел литературы XVIII века. Произведения классицизма изучаются прежде, чем о нем самом дано понятие. В свою очередь о реализме ученики должны узнать в первом «обзоре» XIX века, без всякой предварительной характеристики сентиментализма и романтизма.

ПОЭМА ВРЕМЕНИ

Павел Антокольский дал своей новой поэме строгое заглавие — «В переулках за Арбатом» (журнал «Новый мир», № 11, 1954). В один из старых московских переулков приводит своего героя автор в начале поэмы, в том же самом переулке встречается с ним поэт и в заключительной части. Казалось бы, вот типичный пример композиционного «кольца», соединяющего конец с началом при помощи счастливого возвращения героя в родные места после долгих лет испытаний. Но вслушавшись в страстный голос повествователя, ощущая всю лирическую напряженность последних строк произведения — и понимая, что здесь не простое «кольцо», здесь сжатая в кольцо пружина. Счастливое возвращение героя поэмы после странствий по дорогам войны — не обычный эпизод, а как бы новый пролог к его будущей творческой работе, к новым испытаниям и подвигам. Сам автор на это намекает при описании встречи Ивана Егорова с женой:

И объял он ее за плечи,
Не прятая мокрого лица
И ждал. И нет конца ни встрече.
Да и в поэме нет конца.

Нет конца в поэме потому, что сюжет ее выходит за пределы личного существования Егорова, это — творческая работа поэта, советской жизни. Не как биографический портрет автор и старый переулок за Арбатом, а как поэтический детисейд современности Москвы. Недаром во вступлении он обращается к Москве с призывом помочь ему услышать «самой историей поэта».

Историческая тема задана близкой поэзии Антокольского. Со страниц его книг 20-х и 30-х годов встают брабантские башни, трагические образы Робеспьера и герцога Парижской Коммуны, беспутный и гениальный поэт Франсуа Вийон, Пушкин и Мицкевич у памятника Петра... Антокольский воспринимал эти образы не безстрастной русской реставрации, он переосмыслил историю в свои стихи лишь так, что было дорого для него лично как современному человеку. Но пуская он лавно уже в то время отвернулся от «рифмопетов», которые не видели ничего вокруг себя, «столетия века по томам», — все же в его стихах 20-х — 30-х годов декорации истории нередко заслоняют действующих лиц современности, да и в самих исторических персонажах давала себя знать некоторая вычужденность. В творчестве Антокольского громоздкие исторические декорации опираются Отечественная война. Это не значит, что он изменил своему органическому тяготению к истории, — но в его лучших стихах 40-х годов сама современность становится для поэта творимой историей. Так, строки «После антифашистского митинга...» продикуваны поэту ощущением того, что «яна полях нашей «главной земли», превращенных в поле боя,

...решаются судьбы на много веков
Всех народов и материков...
Чувство истории и чувство современности начинают сливаться для Антокольского в одно целое. Вместо «военного пергамента» историческим документом служат теперь поэту старая карта, в отмеченных, а сядущих боях» («В ночь на седьмое»). Бывший герой Отечественной войны, один из многих — тем и сильный, что это один из многих, — становится излюбленным персонажем Антокольского («Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», «Черноморская баллада» и др.). Сами образы прошлого помогают Антокольскому поэтически осмыслить борьбу советского народа за свою жизнь и счастье.

И все-таки образы советских людей не вполне еще обретены у Антокольского в 40-е годы ту теплоту и конкретность, которая придает поэзии совершенно особую красоту и силу. Исключением составляет поэма «Синь», где автор бережно сохранил индивидуальные черты, рисующие характер, интерес, увлечения, весь юностицкий облик маленького лейтенанта Владимира Антокольского, своего сына, погибшего на войне в 1942 году. Но какой же ценой застав автор эту художественную конкретность!

Новая поэма Антокольского свидетельствует о том, что обращение к повседневному миру советского человека, совершенно только далью отпущенной скорби. Поэма «В переулках за Арбатом» повествует о встрече, юности и зрелых годах одного из рядовых людей нашей страны. Сам поэт характеризует избранный им сюжет как «одну из многих биографий». По Антокольский заставляет читателя с волнением следить за судьбой Ивана Егорова, как следя за судьбой близкого человека. Поэту

Литература в школе

О программах и учебных часах

О новых программах по литературе и о месте этого предмета среди других учебных дисциплин средней школы стоит поговорить серьезно.

Нужно сказать, что знакомство с новой переработанной программой, изданной в 1954 году, не приводит к выводу об ее улучшении и усовершенствовании, а, наоборот, заставляет заметить достоинства старой. Так, в старой программе творческий путь каждого писателя намечался хотя бы важнейшими вехами и давался на вполне отчетливом историко-литературном фоне; каждому этапу истории русской литературы посвящалась большая, но содержательная, необходимая сведения обзор. Теперь же весь курс литературы содержит лишь три «обзора», по одному на каждый год обучения. Естественно, что это не дает нужного представления об особенностях литературного процесса того или иного периода, непонятно остается историко-литературный фон эпохи. Совершенно выпали из программы поэзия прошлого столетия. Язык монографических тем, лишенных всякой исторической опоры, повисает в воздухе, и в их числе тема «В. В. Маяковский», с которой начинается курс 9-го класса. Так как ничего не сказано о 70-х — 80-х годах, то затрудняется изучение не только Щедрина, Толстого и Чехова, но и Некрасова с его поэмой «Кому на Руси жить хорошо», подлежащей подробному анализу в классе.

В числе сомнительных удач составитель новой программы принадлежит переименование общей характеристики классицизма в заключительный раздел литературы XVIII века. Произведения классицизма изучаются прежде, чем о нем самом дано понятие. В свою очередь о реализме ученики должны узнать в первом «обзоре» XIX века, без всякой предварительной характеристики сентиментализма и романтизма.

лучше строчками стихов, звучит согласно с прерывистым дыханием героя, уже подохнувшего, но еще увидит свою семью:

Не захожусь только, не захожусь только бы сейчас!

Правда, другие персонажи не вошли в поэму такого целостного воплощения. Небрежно, а потому и несколько шаблонно, очерчен у Антокольского образ Богородина, чудакатого воспитателя детдома, а впоследствии — старого профессора, вынужденного в археологию Москвы. Духовная жизнь Жени, молоденькой девушки покинувшей родной дом, чтобы играть в театре, ее отношение к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор не воссоздал. Не то, чтобы Жене удалось мало места в произведении. Много строк посвящено здесь, например, ее дебюту в «Торе от ума». Но упоминания о роли «выученной пазубок», о стремлении актрисы приобщиться к искусству, о ее отношении к искусству, к семье — все это намечено лишь общими, бедными чертами. Полноценного, живого образа советской женщины, советской актрисы автор

Во Франкфурте-на-Майне (Западная Германия) недавно состоялся демонстрация протеста против ремигрантских стран, осуществляемой боннскими ревизионистами и их западными покровителями. На снимке: один из демонстрантов с плакатами антифашистского и антикоммунистического содержания.

Заверения Конзента и действительность

Когда-то прусские реакционеры любили говорить: «Gegen Demokratie helfen nur Soldaten». «Против демократов помогут лишь солдаты». Нынешние власти Германской федеральной республики еще не сформировали вермахта. Но вместо солдат они используют против демократов пожарные команды и отряды полиции. Когда в конце января в исторической церкви св. Павла во Франкфурте-на-Майне состоялся массовый митинг против парижских соглашений, то здание было окружено полицейскими и пожарниками, державшими планки наготове.

Отчего такой страх? Он, безусловно, объясняется теми серьезными сдвигами в общественном настроении населения Западной Германии, которые можно отметить в течение последних месяцев. Даже самые предубежденные политологи буржуазной печати вынуждены констатировать эти сдвиги.

Уже январская стачка миллиона русских рабочих была показателем того, что рабочий класс Западной Германии понимает опасность того социального и политического курса, который принял нынешний правительством в Бонне. Вслед за этим последовали выступления ряда ведущих профсоюзных организаций, потребовавших активных действий против парижских соглашений.

В движении против парижских соглашений участвуют самые различные общественные силы. Наивно только было опубликовать переписку между Объединением западногерманских молодежных организаций и комсом СССР в ГДР тов. Пушкиным. Это объединение от имени 5 миллионов юношей и девушек призывает к новым усилиям по восстановлению нарушенного единства Германии. На конференции молодежи Гура, в которой приняли участие представители от 270.000 человек, было принято решение, отклоняющее парижские соглашения.

Показательно, что протест против парижских соглашений в течение длительного времени нарастает и в церковных кругах. Аденауэрские власти пытаются сейчас «притупить» всех западногерманских священников под бюрократическим гребенку, подавив голос честных людей, видящих грозящую опасность. Так, в ряде евангелических академий Западной Германии состоялся специальный «конференция» священников с участием представителей правительства и юности Ваткана. Последние старались образумить «еретиков». Однако, как сообщает пресса, посланцы Аденауэра потеряли на этих конференциях страх.

У боннских сторонников проамериканского курса в резерве еще много средств. Нет никакого сомнения в том, что эти резервные средства — от полугла до террора — будут пушены в ход для того, чтобы добиться ратификации парижских соглашений. Напаром, как сообщает пресса, верховный комиссар США в Германии Конзент по своему вращению из поездки в США немедленно потребовал от Аденауэра ускорения темпов ремигрантизации. Выступая перед американскими офицерами в Гейдельберге, Конзент поспешил их заверить:

«В недалеком будущем молодые американские солдаты будут стоять здесь плечом к плечу с молодыми немецкими солдатами...»

Однако желание мистера Конзента не по душе немецкому народу...
А. И.

ВСТРЕЧИ С КИТАЙСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Савва КОЖЕВНИКОВ

Правление Союза китайских писателей помещается в узком вывистом переулке Дунцзубу. Здесь нет деревьев, ни видно ни одного окна, ни одного дома. Под ногами — серая глинистая мостовая без газонов. По бокам гнутся две высокие серые стены. Кажется, в переулке все обеспечено.

Но вот вы делаете несколько шагов, и перед вами внезапно возникает красноватый диск. Это свет раскаленного пекинского солнца врывается в круглую просторную ворот. За этими воротами — вторые, третьи, четвертые... Кажется, что за ними скрывается другой мир — огромный и яркий. Такие ворота ведут и к дому Союза китайских писателей.

Первые я попал сюда осенью 1953 года. Тут я увидел внутренние квадратные дворники, заставленные большими и малыми глиняными чашами с распустившимися в них цветами. По углам — деревья с мощными корнями, уходящими в землю. В центре черного дворика — сооружение из камня в виде коридора.

И так подробно описываю переулок и дворик потому, что первый вопрос, который я услышал от председателя творческой комиссии Союза писателей товарища Ша Дина, был следующий:

— Видели наш переулок и дворик? Вопрос был задан не для проверки моей наблюдательности, а для одного образного сравнения, возникшего потом в ходе беседы. Я попросил товарища Ша Дина рассказать о творческих достижениях китайских писателей.

— Мне это трудно «сделать», — ответил он, — дело в том, что до 1953 года больших творческих успехов у нас не было. Меня это удивило, и я даже подумал, не напутал ли наш переводчик в передаче ответа Ша Дина.

— А «Солнце над рекой Сангань», «Ураган», «Седая девушка»? — подперев Ша Дин, — но ведь все они написаны еще до провозглашения Народной Республики. После победы революции писатели были заняты организационной работой и им редко удавалось брать за перо. Бурным потоком хлынула литература молодежи, но она в первых порах не писала опыта. Пришел к нам большой отряд писателей, живших на территории, занятой коммунистами.

У некоторых из них были отменные таланты, они еще слабо или совсем не знали новую действительность Китая. И вот до 1953 года появились (а порой появляются и сейчас) произведения схематичные, абстрактные, далекие от живой жизни.

Товарищ Ша Дин назвал ряд таких произведений. Некоторые из них даже не лишены мастерства. Но корни их, сказал он, уходят не в почву, а в подбыв корня цветов в глиняных чашах, расставленных в двориках. Потому-то в них не чувствуешь жизни и они не находят отклика в сердцах людей.

— Но я видел здесь, кроме цветов, и великолепные раскисленные деревья. — Да, конечно, и в первые три года после победы революции у нас родилось немало хороших произведений. Больше того, новая народная литература за это время полностью вытеснила растущую реакционную феодальную и буржуазную литературу. Речь идет об уровне новой литературы и о том, чтобы все писатели шли в фарватере живой жизни.

Товарищ Ша Дин рассказал мне, как много внимания Союз китайских писателей уделяет воспитательной работе среди литераторов.

— Лучший воспитатель, — сказал он, — сама жизнь.

И в самом деле, одной из характерных черт в жизни Союза китайских писателей являются частые поездки писателей на заводы, фабрики, на новостройки, в деревни, в военные части. С писателями было трудно встретиться в переулке Дунцзубу. Несколько недель я ждал, когда придет из деревни Чжау Шу-ли. Хотелось поговорить с Дин Дин. Мне сказали, что она со дня на день должна вернуться из провинции Хунань. Но это «со дня на день» растянулось чуть ли на месяц.

Да, не так часто можно увидеть китайского писателя в столице. Но зато как интересно поговорить с ним, когда он появляется в гостинице Союза китайских писателей со слезами северного ветра или вожделенного солнца на лице.

Китайцы — народ сдержанный, уравновешенный. Писатели не составляют исключения. Но в гостинице Союза и неизменно встречал их возбужденными, порывистыми, словно перед тем, как войти сюда, они побывали у источника живой воды.

Во втором дворике на лестнице перед зданием Союза писателей, между высоких пушистых хризантем, стоял художавый

узоклопый человек в темном костюме. — Ма Фын, — отрекомендовался он.

Я был знаком с биографией Ма Фына. Родился он в 1921 году. Детство провел в деревне провинция Шаньси. Когда ему исполнилось шестнадцать лет и он поехал в город учиться дальше, его родные места оккупировали японцы. Юноша вступил в партизанский отряд. Сначала он был рядовым бойцом, потом — командиром отряда. В 1940 году переехал в Яньбао и в течение двух лет учился в военно-политической школе, а после ее окончания был направлен на работу в деревню. Там он участвовал в проведении земельной реформы, редактировал газету и там же написал первые рассказы.

Мне запомнился роман «Любящие герои», написанный Ма Фыном в соавторстве с Си Жуню. У нас он был издан в 1951 году под названием «В горах Любящих». Любящие герои — это бойцы отряда народного ополчения, действовавшего в одной из деревень провинции Шаньси в годы национально-освободительной борьбы китайского народа против японских захватчиков.

Хотелось узнать, что же стало с любящими героями, как они живут теперь. Ведь многих из них Ма Фын знал лично, переписывался с ними.

— Доводилось ли вам с кем-нибудь из них позднее встретиться? — спросил я Ма Фына.

— Я только что вернулся из тех мест, — ответил он, — но никого из прежних друзей встретиться не удалось — все они сразу же после освобождения южных районов уехали туда на руководящую работу. Но новое время создает новых героев. Мне посчастливилось встретиться с людьми, каких еще не было в Китае несколько лет назад.

Ма Фын рассказал, что более двух месяцев он прожил в деревне Цзяцзяцзун провинции Шаньси. Это была уже вторая поездка. Первый раз он побывал там два года назад. В то время деревня Цзяцзяцзун считалась самой отсталой в уезде. Крестьяне, вконец разоренные помещиками, долго после освобождения не могли стать на ноги, да к тому же земля там неплодородная, во время дождей затоплялась, посевы гибли под водой. Зерна не хватало на пропитание. В деревне не было даже бригад трудовой взаимопомощи.

— Я позвонил тогда с деревенским активистом Цзя Хуан-синем. Он сказал мне: «Деревня отсталая потому, что мы плохо проводили воспитательную работу». Теперь он встретил меня восторженным. — Смотрите, как все у нас изменилось! — Ма Фын вынул из кармана блокнот и в зеленом переплете, провел по нему своей маленькой ладонью и, раскрыв его, сказал: — Я никогда не думал, что два года — такой большой срок.

Перелистывая блокнот, Ма Фын приводил факты, называл имена, и возникала картина поразительная картина. В деревне создан производственный сельскохозяйственный кооператив, в котором ходят сто взоров из двухсот.

— Если один человек разводит костер, — сказал сельский активист Цзя Хуан-синь, — пламя маленькое. Если его разводит много людей, они приносят много хвороста, и огонь может подняться до неба. Когда организовали производственный сельскохозяйственный кооператив, это справедливое иречение подтвердилось на практике. Ранней весной хлопчатник зал толок первые ростки, как вдруг по району преудурили о наступлении холодов. Члены кооператива все дружной большой семьей вышли на поля, развели костры и спасли хлопок. У индивидуальных он погиб.

Члены кооператива и бригад трудовой взаимопомощи использовали советский опыт, применили агротехнику и получили урожай на тридцать процентов больше, чем собирали с индивидуальных полей.

Ма Фын перебрал последний листок блокнота, взглянул на меня и, не скрывая радости, сказал: «Вот какие дела». В этих словах звучала гордость за новых героев новых произведений писателя.

25 октября минувшего года в парке имени Сунь Ят-сена проходила конференция пекинских работников литературы и искусства. Этот древний парк — один из красивейших уголков китайской столицы. Здесь все прежде всего поражает могуче, в три обхвата, кедры, которым шестьсот, семьсот, а то и тысяча лет.

Мы шли на конференцию писателей, и поэтому, естественно, в воображении возникла аллегория о древе китайской литературы.

Оно куда древнее — ему около трех тысяч лет. «Речные заводы», «Троецарствие», «Сон в красном павильоне», «Неофициальная история конфуцианцев» — это ветви могучего трехтысячелетнего древа китайской литературы — духовной сокровищницы великого народа.

После язычных односторонних владык императорского двора в глубине парка взошел величественный павильон с двухъярусной крышей типичной китайской архитектуры. Это — вал имени Сунь Ят-сена.

Мы вошли в него, когда на тропе уже стоял писатель Лао Ша и читал свой доклад. Он говорил о величии национального литературного наследия и о необходимости его творческого освоения.

— Нам надо изучать это наследие не только для того, чтобы овладеть формой классики. Мы должны также научиться тому, как выходить за пределы этой формы в соответствии с требованиями действительности и замкнуть старые новым. Новая литература должна создать свою форму — простую, прозрачную, действенную.

На конференции одним из главных был вопрос об отношении искусства к действительности, который так же волнует китайских товарищей, как волнует и нас.

Лао Ша напомнил слова о логике писателя, которые были сказаны еще писателями древности: «Изучать взаимосвязь человека с природой, понимать перемены в прошлом и настоящем». Классик китайской литературы, великий поэт прошлого Ду Фу в одном из своих стихотворений писал: «Если мои слова не возмолвят людей, я не успокоюсь до конца дней своих».

Очень хорошо сказано! Несомненно все делегаты конференции бурно аплодировали. Новая китайская литература развивается как литература социалистического реализма. А социалистический реализм прежде всего требует, чтобы писатели хорошо знали новую жизнь народа и, показывая передовых людей из народа, выражали его новые чувства и мысли.

Пример глубокого знания и активного вхождения писателя в жизнь — повесть Лао Ша «Луньшуйгоу», в которой писатель рассказал о преобразованиях в материковом районе Пекина, преобразованиях, отразивших поступь нового в стране.

Лао Ша — писатель старшего поколения. Ему 56 лет, писатель он начал в 1926 году, его перу принадлежит много романов, рассказов, пьес. Я беседовал с ним у него на квартире, слушал его выступление в зале Хуайжяньтан на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей. Это человек открытой души и большого темперамента. В журнале «Народный Китай» он писал: «Я испытываю глубокое волнение оттого, что своими глазами вижу всю широту размаха строительства нового общества. И чем внимательнее всматриваюсь я в новое, тем больше охватывает меня это волнение».

Китайские писатели помогу жили на стройках. Чжоу Ли-бо стал своим человеком на Шинцзянском заводе, Ай У — на Аньшаньском комбинате. Они видели не только, как рождается сталь, но и как формируются и закладываются новые человеческие характеры.

Ай У сказал мне: — Есть у нас поговорка: «Незря вернуть огонь в бумажку». Это верно. Но мы, писатели, должны стремиться к тому, чтобы в каждой строке наших произведений горело пламя новой жизни.

Чжоу Ли-бо и Ай У не довольствовались первоначальным вариантом своих новых произведений, написанных во время пребывания на стройках. Оба в течение года зарабатывали их.

Повышенные требования к себе — вот что характеризует литераторов Китая. Молодой драматург Ху Ба, известный у нас по пьесе «Они в центре в боях» (жюквечи видели ее на сцене Центрального театра Советской Армии), лишь раз переделывал свою новую пьесу «Линия фронта передвигается на юг».

Пьеса показывает борьбу китайских народных добровольцев против американских агрессоров в Коре. Материал для нее автор взял из жизни.

Я жил среди добровольцев, — рассказывает Ху Ба, — и видел их высокий патриотизм и человеческое великодушие. Когда я писал пьесу, я думал: если мне удастся перенести на сцену настоящую жизнь, которая вдохновляла и учила меня, то, возможно, мои чувства передадутся и зрителям.

Я беседовал с писателями в Шанхае, Тяньцзинь, Цзинань. Всюду мне рассказывали о большой плодотворной работе литераторов. В китайском крестьянском календаре есть период, который называется «Время созревания урожая». Вот такой период переживает сейчас китайская литература.

Этому в оригинале романа (я в английском издании, сделанном с этого оригинала) Имерман — является коммунистом. Но в государстве Аденауэра такое проявление реализма невозможно. Предприимчивые небольшие «исправительницы», и глядя, Имерман уже не коммунист, а социал-демократ.

Другие переводки направлены на то, чтобы исключить из романа все, что касается преследований евреев на расистской почве в гитлеровской Германии.

Если добавить, что в западногерманском издании исключены также, например, реплики, как слова о фашисте, который застреливает русских крестьян, чтобы завести своему фореру жизненное пространство, картина «редактирования» романа Ремарка станет совершенно ясной. Западногерманскими издателями, охотно рассуждающими о «свободной литературе», эта фальсификация, как справедливо указывает журнал «Нейе дейче литератюр», предпринята, несомненно, в угоду военным преступникам, занимающим ключевые посты в восстанавливаемом вермахте. Публичное напоминание о преступлениях, совершенных ими, оскорбляло бы этих господ.

Для интеллигенции Западной Германии «дело Ремарка» — еще один предметный урок западной «свободы печати».

Международная почта

В памяти бельгийцев еще живы воспоминания о недавнем прошлом, они не хотят нового германского нашествия! На фотоснимке: участники недавнего митинга в Брюсселе подписывают петицию протеста против возрождения ревизионистского вермахта. Лозунг на плакате гласит: «Подписывайтесь против переоборужения Германии».

РАЗБОЙ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ

Французская пословица «Дарят яблоко для того, чтобы получить волк» отлично передает смысл и существо взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и теми странами, которые богаты и сдобными американским долларом. Французская пословица «Дарят яблоко для того, чтобы получить волк» отлично передает смысл и существо взаимоотношений между Соединенными Штатами Америки и теми странами, которые богаты и сдобными американским долларом.

Выходящий в Нью-Йорке журнал «Латин Америка тудей» в конце прошлого года опубликовал статью под выразительным заголовком «Подполная программы «технической помощи»: помощь или грабеж?». Факты, которые сообщаются в журнале, не оставляют сомнения в том, какой ответ надо дать на вопрос, поставленный в заголовке статьи.

«Американцы, которые являются преимущественно высокообразованными и добродушными людьми, — пишет «Латин Америка тудей», — любят думать, что они остаются такими же в своих международных отношениях. Они любят читать об американских экспедициях, борющихся с трахой в Иране, помогающих отстающим перуанцам побеждать сикхи. Им нравится название этой программы: «техническая помощь», четвертый пункт».

Но вот потрясающая действительность, скрывающаяся за программой «помощи» в одной важной части мира — Латинской Америке.

Действительность и в самом деле потрясающая! Оказывается, за восемь лет — с 1946 года по 1953 год — американские частные корпорации и отдельные лица вывели из Латинской Америки в двадцать два раза больше денег, чем правительство США предоставило для всех видов экономической, технической и социальной помощи».

Журнал «Латин Америка тудей» приводит цифры, показывающие размеры этого организованного грабежа под флагом «помощи». Средства, предоставленные Латинской Америке, составили лишь 189 миллионов долларов. Тем временем монополии США, прибавившие к рукам (из лучших чувств!) значительную часть экономики латиноамериканских стран, вывели из Латинской Америки грандиозную прибыль — 4.082 миллиона долларов. Кроме того, за восемь лет американское правительство получило 108 миллионов долларов в виде процентов на займы.

Но и это не все. Помимо барыша, отпавшего в Соединенные Штаты, еще 1.683 миллиона долларов прибыли было вновь инвестировано в Латинской Америке. Таким образом, окончательный итог выглядит еще более внушительно: прибыль — 5 миллиардов 843 миллиона долларов, «помощь» — 189 миллионов долларов.

Высокой степени совершенства достигли американские монополии в искусстве ограбления других стран и народов!

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Голландская буржуазия печаль, вслед за американской, прогандирует атомную войну. Газета «Хет парол», поклоняясь атомной бомбе, от усердия расшибает себе лоб. Поддавшись этой газете перед американскими атомщиками последние не имеет границ.

Описывая недавние маневры в провинции Брабант, проводившиеся в «условиях атомной войны», «Хет парол» сообщает, что местному населению будто бы «очень понравилась прекрасное зрелище» разрыва двух фантовых атомных бомб, еще 1.683 миллиона долларов прибыли было вновь инвестировано в Латинской Америке.

Президентское применение атомного оружия и любовь находить в нем красоту — что может быть гнуснее!

Конечно, газета оклеветала честных брабанцев. В Голландии, на родине Рембрандта, люди знают, что такое действительно прекрасное зрелище. Жители Брабанта, как и все голландцы, безусловно, понимают, что судит атомная война густо населенной Голландии. Отвратительная «атомная эстетика» газеты «Хет парол» не заставит голландцев поддаться атомной бомбе.

Мощная, растянувшаяся на километры продолжительной болезни скончался Исаак Аронович Крути — талантливый советский драматург. Крути — автор многих ценных работ по вопросам театра и драматургии.

И. А. Крути вошел в советскую театральную печать еще в 1920 году. С тех пор в московских газетах и журналах им было напечатано свыше полутора тысяч статей и рецензий, посвященных в своем большинстве острому, насущно важным проблемам современного театра и драматургии.

Лучшие работы И. А. Крути отличала глубокая любовь к советскому реалистическому театальному искусству. Подлинно творческая извольность, умение метко акцентировать художественное своеобразие оцениваемых произведений театра и драматургии.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Могут ли музыкальные инструменты заимствованы «антиамериканской» деятельностью? Не впадаясь в отвлеченные споры, ответим на этот вопрос фактом.

В одном из пригородов Нью-Йорка в местную комиссию «по проверке лояльности» были доставлены в качестве «ответчиков» семь труб и тромбон. Что с ними случилось? Может быть, они осмелились сфальшивить именно тогда, когда оркестр встречал приветственным тшум, скажем, Менделеев-Франса или Аденауэра в момент их прибытия в США? Нет. «Вина» музыкальных инструментов заключается всего-навсего в том, что они были изготовлены в Германской Демократической Республике и далеко импортированы в пределы США.

Есть, впрочем, одно отягчающее обстоятельство. По словам французской газеты «Юманите», владеющей музыкальным магазином осмелился утверждать, будто вышеупомянутые трубы и тромбоны — «лучшие музыкальные инструменты, какие имеются у него по этой цене в продаже». Тут уже есть чем заинтересоваться макартистами!

После осмотра хромальной меди было принято решение о том, чтобы все семь тромбон и труб были срочно заменены «некоммунистическими инструментами».

Итак, отныне и неуспевающие предметы, особенно если они наделены способностью звучания, могут в США находиться под подозрением. Того и гляди, Федеральное бюро расследований начнет брать у некоторых саксофонов «отпечатки пальцев»... Такова эта «музыкальная история», чудовищная нелепость которой можно легко постигнуть, даже не обладая абсолютным слухом.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС

В Иоганнесбурге недавно состоялся конференция церковей Южно-Африканского Союза. Наикантовская газета «Пакистан таймс» рассказала о следующем эпизоде, разыгравшемся на конференции.

Места для участвовавших в ней священников были разделены (так же как и места для прихожан в церквях Южно-Африканского Союза) на два обособленных сектора — «для белых» и «для черных». В связи с этим один из делегатов, священник из Трансваля, обратился к собравшимся с вопросом: где же был Иисус Христос — с белыми или черными, если бы он мог появиться в зале заседания?

Конференция, среди белых делегатов которой преобладали откровенные расисты, предпочла обйти молчанием заданный вопрос. Каждому ясно, пишет газета «Пакистан таймс», имея в виду широко известные факты расистского террора, что если бы Христос посетил Южно-Африканский Союз в настоящее время, то «элементарные принципы его проповедей послужили бы предлогом для возбуждения против него судебного преследования».

Эту карикатуру «Пакистан таймс» поместила, как бы отечая на вопрос, где был Иисус Христос — с белыми или черными. На рисунке изображен южноафриканский храм с надписью: «Только для белых». Вход охраняют вооруженные молотками. А свирепого вида пастыр-расист с дубиной в руках угрожающе говорит: «Пусть попробует сюда проникнуть!».

Смесь

Макартисты не дремлют. За последние полтора года с американских военных заводов было уволено, как официально сообщало министерство обороны США, более 4 тысяч рабочих, обвиняемых в «неблагонадёжности». На этом макартисты из Пентагона не собираются останавливаться: они обещают «ускорить» проверку лояльности остального персонала военных заводов... Не нужно быть пророком, чтобы предсказать: будет в США новые и немалые — жертвы «естерни безопасности».

«Сосна Фирерах». Мысль сердца воспоминания о фашистских «фюрерах» — больших и малых — не дают покоя боннскому министру внутренних дел Шредеру. Он горно сотрудничает по поводу того, что в Западной Германии нет «политической элиты», которая держала бы всю власть в своих руках. Этот «книг душ», как переводит новоязык, агентству АДН Шредер изложил в брошюре, призывающей срочно создать сеть «фюреров», которая командовала бы страной.

А. Арбузов, А. Анастасьева, В. Быль-Белоцерковский, А. Бучма, С. Гиаплетова, П. Герата, В. Горюхицкий, Н. Горчаков, Ю. Завадский, В. Залесский, А. Корнейчук, А. Крон, А. Кожемякин, Ю. Калашников, Л. Леонидов, Б. Лавренко, О. Литовский, С. Михалков, В. Мещетин, П. Марков, И. Охлопков, И. Погодин, А. Попов, Б. Ровинский, Ф. Равельский, К. Симонов, А. Суриков, А. Солдатов, М. Стельов, А. Сивков, А. Салынский, Е. Турчанинов, А. Файко, Ю. Чепурин, И. Штоко, А. Яблоков, Н. Якушевский.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Т. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.

Секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, Коммутир — К 5-00-00.

Происшествие с романом Ремарка

Недавно почти одновременно в Англии, Норвегии, Дании и Западной Германии вышел роман «Время жить и время умирать» известного немецкого писателя Эриха Мария Ремарка. Писатель эмигрировал из Германии после прихода фашистов к власти и живет до сих пор за границей.

Читатели слышали западногерманское издание романа с издательствами в других странах и обнаружили множество купюр, сделанных западногерманскими издателями. Цель купюр — смятение имеющихся в книге картины фашистских зверств, массовых убийств, расправ над военнопленными, расистских преследований.

В скандинавской прессе появились сообщения о фальсификации романа и о политических целях этой фальсификации. Некоторые западногерманские газеты перепечатали эти сообщения.

История приобрела широкую огласку, общественность начала говорить о «деле Ремарка».

Торопясь занять скандальное издательство «Бюнехойер и Вит» («Бейль-Берлин») опубликовало в газете «Рейн Неккар Цейтунг» на русском языке публицистические романы Ремарка «На Западном фронте без перемен» и «Возвращение».

письмо издателя Иозефа Вича, который пытается опровергнуть сообщения о купюрах в романе Ремарка, а газета «Рейн Неккар Цейтунг» поспешила в редакцию попросить издать заявление, что считает обличение издательства удовлетворяющим общественность...

Историей с романом Ремарка заинтересовались выходящий в ГДР журнал «Нейе дейче литератюр». Выяснилось, что издатель в Англии и в Западной Германии имели в своем распоряжении один и тот же оригинал романа. Следовательно, чтобы установить характер купюр и «исправлений», достаточно было сравнить два издания романа — английское и немецкое.

Результатом этого сравнения посвящена большая статья Ф. Вайскофф, опубликованная в февральском номере журнала.

Что показывает сравнение двух изданий? В западногерманском издании, насколько это возможно, «облагорожена» фигура гестаповского агента, садиста Штейнбрэннер. Исключено упоминание о том, что Штейнбрэннер просит, чтобы именно ему разрешили расстрелять приятную за партизанку женщину. Выброшено место, где один из главных героев романа думает о

Штейнбрэннере: «Двадцати одного года от роду он убил больше людей, чем двенадцать солдат, вместе взятых. Не в бою, нет, а в тылу и в концентрационных лагерях. Он много раз хвастался этим и гордился своей особой жестокостью».

Выброшены слова Штейнбрэннера, который говорит о своем желании перейти в азовскую дивизию: «Там куда веселее. И перспективы лучше. Все там делается в широком масштабе. Из-за каждого русского не приходится утруждать скучные заседания военного суда. Их убивают лачками... Батальоны по борьбе с партизанами и служба безопасности «СС» уничтожат людей сотнями. Там можно прожить».

Но это далеко не все: в немецком издании — падет Ф. Вайскофф, — прилагает и приглашен не только Штейнбрэннер, но все его соумышленники, весь гитлеровский фашизм. И он приводит далее множество купюр, сделанных в романе, например, исключение из романа правдивого рассказа о массовых расстрелах мирного населения фашистами.

Характерны и другие изменения, принятые западногерманскими издателями. «Ремарк, когда он писал свой роман, имел расплывчатое представление о характере коммунистического сопротивления в гитлеровской Германии», — пишет Ф. Вайскофф. — Но он знал, что коммунистическое сопротивление было самым сильным, лучшим всего организованным и самым смелым среди всех форм сопротивления. Но

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефон: 4-48-28, К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутир — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.